

Основоположник Белого движения*

Aleksandr Puchenkov, Nikolay Bogomazov

(both – Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

The founder of the White movement

Книга В. Ж. Цветкова – первая в России научная биография Михаила Васильевича Алексеева – видного полководца, искусного политика и военного педагога, сыгравшего одну из важнейших ролей в событиях 1915–1917 гг. Масштаб его личности признавался и в советской историографии, но писать о нём в СССР было непросто, если вообще возможно: слишком уж мало он соответствовал расхожему представлению тех лет о «бездарных» царских генералах «империалистической войны», а между тем это был не просто участник, но основоположник Белого движения, во многом являвшийся его олицетворением. Да и многие необходимые источники были тогда труднодоступны. Теперь же, используя оригинальные документы, преимущественно извлечённые из фондов Государственного архива Российской Федерации, воспоминания и периодические издания начала XX в., Цветков опирается в своём исследовании на достаточно солидную базу, в которой не хватает, пожалуй, лишь материалов Российского государственного военно-исторического архива.

В книге последовательно описан весь жизненный путь, пройденный М. В. Алексеевым от молодого офицера, адъютанта знаменитого генерала М. Д. Скобелева, многолетнего добросовестного преподавателя Николаевской академии Генерального штаба до одного из ближайших помощников императора и верховного руководителя Добровольческой армии.

Говоря о деятельности Алексеева в предреволюционные годы, следует учитывать, что, будучи, несомненно, монархистом по своим политическим убеждениям, Михаил Васильевич весьма

критически относился к взглядам и личности последнего царя. В конфиденциальной записке, не предназначенной для публикации, Алексеев указывал на «скрытность, лицемерие», «притворство и неискренность» Николая II, а также присущую ему «атрофию воли». «Ему не хватает силы ума, – писал генерал, – чтобы настойчиво искать правду; твёрдости, чтобы осуществить свои решения, несмотря на все препятствия, и сгибать волю несогласных. Его доброта вырождается в слабость, и она принуждает прибегать к хитрости и лукавству, чтобы приводить в исполнение свои намерения... Вместо упорного характера – самолюбие, вместо воли – упрямство, вместо честолюбия – тщеславие и зависть. Любил лести, помнил зло и обиды»¹. Не испытывал особых симпатий Алексеев и к императрице, резко осуждая «распутинщину», о которой знал, впрочем, только по слухам. Между тем император, как утверждает историк С. В. Куликов, питал к М. В. Алексееву «личную симпатию», основанную «на сходстве их индивидуальностей»². «Примечательное совпадение» характеров Николая II и Алексеева отмечает и Цветков (с. 134). Однако назначение Алексеева начальником штаба Верховного главнокомандующего объяснялось всё же не чувствами и интригами, а прежде всего исключительным профессионализмом генерала, в личной преданности которого монарх, видимо, не сомневался. Сам же Михаил Васильевич 23 августа 1915 г. писал жене, что рассматривает свою новую должность как «большое и ответственное дело, в котором нет и не будет для меня какой-либо поддержки и нравственной, и советом, и словом»³.

* Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. М.: Вече, 2014. 544 с., ил. (Путь русского офицера).

К думским кругам Алексеев относился настороженно, но скорее с симпатией и уважением. Деятельность А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова и В. В. Шульгина воспринималась им как глубоко патриотическая. Тем не менее нет прямых данных, свидетельствующих о существовании каких-либо тайных договорённостей между Алексеевым и лидерами либеральной общест­венности. Поэтому, по словам Цветкова, «не представляется правомерным утверждение об Алексееве как организаторе, координаторе и вдохновителе “заговора” против императора. У начальника штаба главноверха, при его чрезвычайной загруженности, было слишком много дел, связанных с фактическим руководством огромным фронтом, для того чтобы ещё вникать в подробности тыловых интриг и политических требований оппозиции» (с. 183). Конечно, Алексеев не мог не видеть опасности переворота во время войны, но в феврале 1917 г., подобно подавляющему большинству представителей высшего генералитета, он не сумел разоб­раться в водовороте событий и оказался загипнотизирован авторитетом «общественных деятелей». Впрочем, он никогда не испытывал эйфории от «великой и бескровной» революции и, по-видимому, раньше других вольных или невольных её участников понял масштаб тех бедствий, в которые она ввергла Россию⁴.

«Демократизация» армии и вовлечение её в политику воспринимались Алексеевым как государственное самоубийство. 24 июля 1917 г. он записал: «Нет у русского человека “родины”: у него сейчас только “революция”. ... Все занялись обделыванием только своих делишек, забывая об общих интересах»⁵. Безудержная демагогия Временного правительства не могла не вызывать у Алексеева презрения. Особенно раздражал его «поганец» и «фигляр власти» Керенский⁶. Летом 1918 г. Михаил Васильевич писал А. А. Лодыженскому, что «главным образом А. Ф. Керенскому Россия обязана уничтожением своей государственно­сти»⁷.

Весной 1917 г. надежды генералов на новую власть стремительно таяли. «Казалось, — сетовал Алексеев в мае, — что революция даст нам подъём духа, порыв

и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъёма и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и её сохранению. Об интересах Родины и её будущем забывается... Армия на краю гибели. Ещё шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечёт за собою Россию и её свободы, и возврата не будет» (с. 328–329). «Нужна власть, сила, а не зубозаговаривание, которым усиленно занимаются наши деятели, — писал он в июле 1917 г. адмиралу А. И. Русину. — Спасение армии тоже нельзя откладывать надолго»⁸. «Зубозаговаривание» вскоре закончилось, Временное правительство пало, однако сотрудничество с пришедшими к власти большевиками, провозгласившими курс на заключение мира с Германией, было для Алексеева совершенно неприемлемо. Более того, борьба с ними стала для генерала первоочередной задачей (с. 379).

В жизни Алексеева создание Добровольческой армии, ставшей со временем главной антисоветской силой на юге России, было не менее значимым событием, чем недолгое пребывание на посту верховного главнокомандующего русской армией весной 1917 г. Сам генерал называл эту работу своей «лебединой песней»⁹ и «последним делом на земле»¹⁰. По свидетельству А. И. Деникина, «непосильные труды» на этом поприще ускори­ли кончину Михаила Васильевича¹¹. Ведь уже весной 1917 г. он выглядел как «до дна использованный человек»¹².

Предвидя возможное падение правительства Керенского, Алексеев в середине октября 1917 г. сформировал несколько тайных офицерских организаций, которые стали как бы зародышем будущей Добровольческой армии¹³. Опираясь на верных и надёжных офицеров, он стремился объединить и связать воедино сохранившие порядок и дисциплину военные училища и школы прапорщиков. «Мысль о создании армии из добровольцев возникла у нас ещё задолго до большевистского переворота в Петрограде, — вспоминал 20 февраля (5 марта) 1919 г. один из его помощников — полковник П. А. Веденяпин. — Начало осуществления этой идеи, в виде предварительного подбора и повсеместной правильной организации бое­спо-

собного элемента, было скрыто в работе реорганизованного для этой цели Главного комитета “Белого креста” в его отделе “пособий и труда”. К сожалению, организацию эту не успели развернуть в должном масштабе по всей России. Выборы района формирования Добрармии были сделаны спешно уже после большевистского переворота в Петрограде и во время боёв в Москве (туда я был послан генералом Алексеевым для ориентировки). Тогда стало ясно, что продолжать работу на местах не удастся, что большевистское движение приняло грандиозные, стихийные размеры, что дальнейшее сопротивление на местах поведёт лишь к уничтожению наших сил. Главнейшая заслуга генерала Алексеева в те дни заключалась в том, что он, почти единственный, охватил масштаб событий, взял на себя всю ответственность в принятии решения и указал единственный возможный путь для дальнейшей борьбы, единственный честный выход из положения для всего офицерства, для всей русской интеллигенции. Он был первым на этом пути и шёл прямо и честно до конца впереди. Многие доходят до этого пути только теперь, спустя более года, многие предпочитают другие, кривые пути и по сие время. Если бы тогда, в тяжёлые, мрачные, беспросветные ноябрьские и декабрьские дни 17 года послушались зова генерала Алексеева, если бы поняли тогда другие вожди (военные, “политические” и “финансовые”) то, что поняли, до чего дошли только теперь, то в январе 1918 года на Дону была бы не маленькая, голодная, разбитая горсточка юношей-героев, а грозная многотысячная армия. Ход событий мог бы быть иным, но “нет пророка в своём отечестве”. Светлой, бессмертной памяти генерал Алексеев обладал истинной государственной мудростью, *даром предвидеть* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые П.А. Веденяпиным. — А.П., Н.Б.). Как честный русский генерал и солдат, он первый выступил на прямой путь, путь дела, а не слов, и как часовой, умер на своём посту. Не берусь, не сумею взяться за описание всего, чем был для нас всех генерал Алексеев; даст Бог, пройдёт время, разберутся во всех делах и людях, игравших роль во время революции, и тогда, наде-

юсь, имя генерала будет поставлено первым, как титана-патриота, как великого страдальца за нашу Русь, как *бессмертного и единственного вождя и создателя Добровольческой армии*. Дай Бог, чтобы Святое дело его скоро и прочно довелось до конца»¹⁴.

Среди участников Белого движения Алексеев, несомненно, обладал абсолютным моральным авторитетом. «Генерал Алексеев — редчайшее явление в военной истории, — утверждал впоследствии генерал М.М. Георгиевич. — Человек мягкий и добрый, он добивался своего одним лишь внушением — проповедью. Тот, кто лишь раз видел и слышал этого скромного труженика, навсегда уверовал: он знает то, о чём говорит, и говорит только одну правду. Вот кого бы с полным правом — без иронии “февральской” — можно было назвать главноуправляющим... Генерал Алексеев горячо любил русского офицера, беззаветно верил ему... На этой вере он, больной, умирающий, и построил своё Белое дело и зажёл “светоч”»¹⁵.

Цель «Алексеевской организации», зародившейся сначала в Петрограде, затем обосновавшейся и в Москве, и только потом уже перебравшейся на Дон, состояла в том, чтобы в случае неизбежного нового выступления большевиков, когда выяснится беспомощность Временного правительства, подавить восстание своими силами и категорически потребовать от министров изменения политического курса. При этом, учитывая возможность победы большевиков, Алексеев заранее договорился с донским атаманом А.М. Калединым о переброске своей организации на Дон, откуда можно было бы продолжать борьбу.

В интервью корреспонденту новочеркасской газеты «Вольный Дон» Михаил Васильевич особо предостерегал от прекращения войны с Германией, поскольку тогда «союзники станут врагами России» и задумаются «о метании жребия из-за русской одежды». Создавшееся положение, по мнению генерала, «исправить можно одним: не заключать сепаратного мира с Германией, продолжать войну в полном согласии с союзниками». «В противном случае — утверждал он, — нас ожидают такие бедствия, за ко-

торые потомки проклянут своих отцов. ... Сейчас анархия, исключительная по силе, разлилась почти по всей стране. Гангренной не поражён лишь юго-восток России. Казачество являет собою здоровое ядро русской государственности, и мне кажется, что свет пойдёт именно с юго-востока. Русская государственность будет создаваться здесь, союз казачьих войск уже заложил здоровое ядро для этого. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока. Этот процесс воссоединения русского государства совершится не сразу, потребуются время и, быть может, много времени. Юго-восток должен будет учесть своё исключительное значение для Государства Российского. Богатый недрами, духовно крепкий и сильный, он должен не медлить ни часу в деле государственного строительства. Несомненно, сюда, на юг, потянутся культурные силы со всей России, им юг должен найти применение. С этой стороны он будет поставлен в исключительно благоприятные условия, и обилие культурных сил на юге и будет служить первым залогом для развития его промышленной, а значит, и государственной мощи»¹⁶. Это было вполне созвучно тому, о чём писал в то время Шульгин, которому казалось, что Юго-Восток России «подхватывает государственную власть, утерянную разложившимся Севером», а «объективные условия властно зовут Правительство Российской Державы обосноваться на Юге», где исторические условия «сплели своеобразную самобранку, носящую имя “казачество”»¹⁷.

На Дон, на традиционный консерватизм казачьей среды, основателем «Алексеевской организации» и близкими к нему общественными деятелями возлагались большие надежды. Насколько они были оправданы? Первый этап существования Добровольческой армии, завершившийся в феврале 1918 г. самоубийством Каледина и «Ледяным походом», традиционно оценивается в литературе как неудачный. Действительно, базы на Дону найти не удалось, надежды Алексеева на быстрый рост численности армии не оправдались, казачество в неё не пошло, офицерство

в массе своей о ней либо не знало, либо не верило её вождям — Алексееву и Корнилову, считая их «героями Февраля», либо сознательно стремилось избежать участия в Гражданской войне. Финансовое положение добровольцев было почти катастрофическим и могло в любой момент заставить их сложить оружие без боя.

С другой стороны, за те три месяца, когда они пользовались приютом на Дону, Алексееву и Корнилову удалось, в исключительно трудных условиях, создать кадры армии и спасти её от истребления. Именно на Дону «Алексеевская организация» превратилась в Добровольческую армию. Было выиграно необходимое время, постепенно начали накапливаться силы, пусть и не с той скоростью, на которую изначально рассчитывали лидеры белых. Алексей явно преувеличивал консерватизм донского казачества и его «иммунитет» против большевистской идеологии. Казаки тогда ещё не видели в советской власти угрозу своему быту и привилегиям, и потому предпочитали сохранять «нейтралитет» или даже поддерживать большевиков. Однако сложно назвать другой регион распадавшейся империи, где офицерская организация, возглавляемая бывшими царскими генералами, могла бы встретить пусть даже и не слишком доброжелательное, но хотя бы нейтральное поначалу отношение.

В конечном итоге именно казачество придало Белому движению по-настоящему широкий характер. «Мне кажется — правильно выбрал старый генерал, — писал в эмиграции Шульгин, ещё в начале ноября 1917 г. записавшийся в “Алексеевскую организацию”. — При всех своих недостатках казачество всё же выявило себя первейшим сословием Российской Державы. Это не насмешка. Но то, что это могут принять за насмешку, только доказывает, как трудно людям самим о себе иметь настоящее представление. Что такое донцы, кубанцы плюс терцы? Сколько их? Их всех вместе столько, что в Петрограде людей было больше. Какая их территория? Пространством в одну хорошую российскую губернию. Какие у них центры? Города Новочеркасск, Екатеринодар да Владикавказ — втроём вместе они не составят какую-нибудь полицейскую часть

Москвы. Вот силы казачества: они составляют ничтожную часть стомиллионного русского народа. Но если бы остальной русский народ дал на борьбу с большевиками соответственно столько, сколько дали казаки, то деникинская армия сейчас исчислялась бы миллионами. На самом же деле все русские вместе взятые, кроме казаков, дали Алексееву, Деникину и Корнилову горсть добровольцев... К лету 1918 года казачество “поняло”. И только тогда, т.е. когда казаки поняли свой долг и когда “казацким мясом” обросла хрупкая косточка Алексево-Корнилово-Деникинского изделия, — тогда только началась реальная борьба»¹⁸.

Формулируя задачи, стоявшие перед его соратниками, Алексеев заявлял, что «Добровольческая армия держится чисто русской ориентации: единая, неделимая Россия». «К этому, — отмечал он, — мы должны прийти в согласие с нашими союзниками, хотя я их и ругаю, определённо заявляя, что половина вины за всё, происшедшее в России, падает на них». Генерал не сомневался, что «к конституционной монархии и парламентарной мы идём безусловно»: «Самодержавия быть не может. Кто, подобно мне, имел тяжёлую обязанность в течение 16 месяцев работать с государем Николаем II, тот не может быть сторонником самодержавия... Повторять это — значило бы новые неисчислимые бедствия для России. Как будет установлена власть — пока не знаю... В чистом виде собрать Учредительное собрание нельзя будет, но Земский собор либо законодательное представительное собрание нужно будет созвать, чтобы не волею отдельных лиц была создана власть для России, а всё же народом»¹⁹. В июле 1918 г. Алексеев писал полковнику барону М.И. Штемпелю: «В общем процессе революции идея Учредительного собрания мало-помалу отходит назад, и устроение государственного порядка произойдёт, по-видимому, какими-то иными путями; кроме того, и политическая обстановка такова, что ещё не скоро создадутся условия, при которых можно было бы в Учредительное собрание произвести выборы и его созвать. Необходимо считаться с существующим положением вещей и поэтому лозунг “Учредительного собрания”

надлежит признать ныне малодействительным для практической работы (чего не отрицают даже и левые элементы)». Как ему представлялось, «объединение общественных кругов надлежит производить с осторожностью в том смысле, чтобы не принимать на себя каких-либо партийных лозунгов; создание единой России и освобождение её от порабощения внешним врагом настолько могут служить для объединения всех истинно-государственных элементов, что иных лозунгов пока и не требуется»²⁰.

Не секрет, что личные отношения Алексеева и Корнилова не сложились и между ними существовала сильнейшая неприязнь. Уже после первой их встречи на Дону стало ясно, что наладить совместную работу им будет очень непросто. О чём говорили между собой генералы, неизвестно, но, по словам очевидцев, «расстались они темнее тучи»²¹. Алексеев, являвшийся основателем добровольческой организации, естественно, хотел сохранить в ней преобладающее влияние. Корнилова, своего бывшего ученика в Академии Генерального штаба, он не переносил, считая «опасным сумасбродом, человеком неуравновешенным и непригодным на первые роли»²². «Тяжёлый до самовлюблённости, самонадеянности не по уму и талантливости, завистливый до болезненности», — так характеризовал он его в письме к жене²³. Со своей стороны, Корнилов ненавидел Алексеева и не мог простить его поведения в августе 1917 г.²⁴ Прямолинейный Лавр Георгиевич считал дипломатичного Михаила Васильевича двуликим и ненадёжным человеком и смотрел «на него с тем оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов»²⁵.

Современный исследователь В.П. Федюк объясняет этот конфликт тем, что генералы принадлежали к разным поколениям: Алексеев большую часть жизни провёл за штабным столом, а Корнилов был из тех, кто выдвинулся в условиях мировой войны и революции, сыгравшей в его судьбе решающую роль²⁶. Впрочем, как утверждал Деникин, трения между вождями белых отражались только в среде близкого к ним политиканствующего привилегированного офицерства, создавшего

разделение на «корниловцев» и «алексеевцев»²⁷. Полковник И.Ф. Патронов, служивший в бюро формирования армии, говоря о розни между Алексеевым и Корниловым, вспоминал: «В то время мы, добровольцы, об этом мало или совсем не знали. Мы считали, что за обоими генералами столь большой моральный и преемственный авторитет, что вопрос о первенстве казался несущественным. Мы знали, что командует нами Корнилов, с ним пойдём в бой, а там где-то наверху, где большая политика и разные сложные вопросы, работает Алексеев. Он дальше от нас, мы его редко видим, но без него немыслима была бы наша армия»²⁸.

И всё же двум бывшим верховным главнокомандующим было сложно ужиться в столь маленькой организации. Лишь чувство долга заставляло их делать общее дело, проявляя способность к разумному компромиссу и дополняя друг друга: если Алексеев стоял в центре всей политической, дипломатической и финансовой работы, то Корнилов стал подлинным кумиром добровольческого офицерства. В то же время фактическое согласие Алексеева признать первенство Корнилова как командующего Добровольческой армией свидетельствовало не только о готовности жертвовать амбициями в интересах дела, но и об известной слабости характера. Не случайно Милюков уже в октябре 1918 г. отметил в дневнике: «Алексеев, при всех его достоинствах, не волевой человек»²⁹.

Отношения с Деникиным, сменившим смертельно раненного при штурме Екатеринодара Корнилова, складывались у Алексеева гораздо лучше. Антон Иванович, видимо, не просто уважал его, но и по-человечески ему симпатизировал, хотя и не восхищался им, как Корниловым. Фактически в Добровольческой армии по умолчанию установилось определённое разделение полномочий: Алексеев, будучи её верховным руководителем и председателем Особого совещания, выполнявшего правительственные функции, вёл политические и финансовые дела, а Деникин полностью сосредоточил в своих руках функции главнокомандующего. Если верить его воспоминаниям, «такой своеобразный дуализм» был возможен только благодаря абсолютному взаимно-

му доверию генералов, ни разу даже не обсуждавших пределы власти. Причём, «щепетильность в этом отношении ген. Алексеева была удивительна — даже во внешних проявлениях»³⁰. Амбиции его сотрудников, которых Цветков справедливо называет «армейскими интриганами» (с. 492), вовремя пресекались и не находили поддержки у самого Михаила Васильевича. Однако, по свидетельству полковника Л.Н. Новосильцева, в частных беседах Деникин говорил: «Армия идёт туда, куда я прикажу, Алексеев получает так же приказы, как и другие, его дело только политическое и финансовое»³¹. Как отмечал осведомлённый генерал А.С. Лукомский, «фактически скоро Алексеев потерял всякое значение». В конце жизни он готовился к отъезду в Сибирь, где собирался возглавить антибольшевистское движение, и даже наметил себе в начальники штаба генерала А.М. Драгомирова³². Кстати, такие же планы в своё время были и у Корнилова, которого не пустили в Сибирь «общественные деятели». Алексееву же помешала смерть. Между тем, по обоснованному мнению В.Ж. Цветкова, «с большой долей вероятности можно предположить, что в случае приезда Алексеева на Волгу и вступления в состав Всероссийского правительства именно ему довелось бы стать будущим верховным правителем» (с. 507). Как утверждает автор книги, умирая, Алексеев «мог вполне уверенно осознавать, что дело возрождения Русской армии, дело возрождения Государства Российского, “последнее дело” его жизни, поставлено на достаточно прочное основание» (с. 512).

Примечания

¹ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 202–203.

² *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 206.

³ *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 404.

⁴ Подробнее см.: *Пученков А.С.* Создатели Добровольческой армии генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов и Февральская револю-

ция 1917 года // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2004. № 2. С. 3–6.

⁵ Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 38–39.

⁶ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920. Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А.А. Зайцева. Т. 1. Краснодар, 2008. С. 98; Алексеев М.В. Записная книжка 1917–1918 гг. / Публ. Л.Ф. Павликовой // Записки Отдела рукописей. Вып. 53. М., 2008. С. 298.

⁷ Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 104.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 1000, оп. 2, д. 22, л. 2.

⁹ Лембич М. Великий печальник. Верховный Руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Омск, 1919. С. 21.

¹⁰ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 619.

¹¹ Деникин А.И. 1936 // На страже русской государственности: Избранные статьи, речи, письма / Сост. А.С. Кручинин. М., 2014. С. 150.

¹² Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 239.

¹³ Бортневский В.Г. Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920 гг.) // Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 289.

¹⁴ РГВА, ф. 39720, оп. 1, д. 61, л. 37–38.

¹⁵ Георгиевич М.М. Свет и тени: Первая мировая война. Добровольческая армия. Воспоминания. Сидней, 1968. С. 58.

¹⁶ Судьбы России // Вольный Дон (Новочеркасск). 1917. 14 ноября. Имя Алексеева в данной заметке не называлось, однако корреспондент сделал всё, чтобы читатели догадались, с кем велась беседа. Аналогичное по смыслу интервью Алексеева было опубликовано 29 ноября в киевской газете «Южная копейка». Схожие мысли высказывал он и в известном письме генералу М.К. Дитерихсу. См.: «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / Публ. Л. Павликовой // Источник. 1999. № 3(39). С. 13–14.

¹⁷ Киевлянин. 1917. 27 октября.

¹⁸ Шульгин В.В. В отпуску // Новое время (Белград). 1924. 3 июля. См. также: Геруа А.В. Полчища. София, 1923. С. 314.

¹⁹ На заре добровольчества (Беседа с М.В. Алексеевым) // Голос минувшего на чужой

стороне. Париж, 1928. № 6(19). С. 185. В.А. Маклаков рассказывал А.В. Тырковой-Вильямс о том, как в дни корниловского выступления Алексеев решительно заявил ему, что «восстановление самодержавия... невозможно». «Что же это я, представитель оппозиции, высказываюсь за царя, а Вы, генерал-адъютант, близкий Государю человек, против?», – удивлённо спросил Маклаков. «Да, высказываюсь, – ответил Алексеев. – П[отому] ч[то] я гораздо лучше знаю их, чем Вы». (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 279).

²⁰ РГВА, ф. 39720, оп. 1, д. 61, л. 120.

²¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. М., 2003. С. 190.

²² Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 31.

²³ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С. 697.

²⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 255, л. 34.

²⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 31–32.

²⁶ Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. М., 1996. С. 21. По словам генерала В.Г. Болдырева, Алексеев был «слишком скромн, слишком буднично трудолюбив для такой бурной эпохи» (Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 47).

²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 199.

²⁸ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 556, л. 49.

²⁹ Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 176. Называя Михаила Васильевича «хорошим русским человеком», А.А. Брусилов утверждал, что «Алексеев был честный, добрый и умный, но очень слабохарактерный человек»: «Попал он, действительно, во время смуты в очень тяжёлое положение и всеми силами старался вначале угодить и вправо, и влево» (См.: Брусилов А.А. Деникин (По поводу «Очерков русской смуты») // Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 376–377).

³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. М., 2003. С. 522.

³¹ ГА РФ, ф. Р-6422, оп. 1, д. 11, л. 21.

³² Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 274.